Восемнадцатый

Автор:
Варвара Крайванова

Восемнадцатый

Варвара Крайванова

В будущем всё пошло как надо. Физики построили теорию всего, человечество преодолело энергетический кризис и начало космическую экспансию. Общество смогло перестроиться с безудержного потребления на более адекватные ценности, поставив во главу угла достоверное знание и освоение новых миров. Только вот новая среда несколько расходится с тем, к чему готовили homo sapiens миллионы лет эволюции. Возможно ли в ней выжить, и есть ли в новом мире место счастью?

Варвара Крайванова

Восемнадцатый

Глава 1

* * *

Хилмид, 2548-07-25 14:09

Вернон устало вздохнул и, не отрывая взгляда от многоуровневых потоков транспорта за окном, отхлебнул золотистую прозрачную жидкость. Как

возвращенцу ему прописали малые дозы алкоголя, но следовать конкретно этой рекомендации Ямакава не собирался. Из настоящего, стеклянного стакана он пил давно остывший, но крепкий и отчетливо пахнущий гвоздикой чай. В комплектацию миссий первого вейва чай не входил ни в каком виде, и теперь казалось бы такой банальный напиток стал для Вернона настоящим праздником.

Хотя сегодня праздновать было нечего. Сегодня хоронили Калеба. Четвертая смерть после возвращения. И четвертое самоубийство.

Вернон откинулся на спинку кресла и сделал еще один глоток. Поставил стакан, и взамен взял со стола переливающийся зеленый кубик с реабилитационным апдейтом для умного дома. Куб считывал состояние хозяина с наклеенного на шею датчика, и пытался оптимизировать атмосферу в квартире “для обеспечения психологической адаптации…”, как значилось в инструкции. С предыдущего раза Вернон знал, что эта штука будет менять состав воздуха и освещение, подбирать фоновые звуки и показывать красивые пейзажи. И она, конечно, заблокирует окно на реальную улицу, ведь глубокий колодец, перечеркнутый змеями флайерных трасс ? это не то, что способствует “психологической адаптации”. В прошлый раз Ямакаве не помогло. Вполне вероятно, что Вернон просто что-то делал не так, но в этот раз не помогло Калебу, всегда безукоризненному в исполнении предписаний. Вернон снова вздохнул и сделал пометку в планшете. Снова откинулся на спинку. Полистал вверх-вниз длинный список подобных заметок. Программа реабилитации вернувшихся, РеаВер, такая же подробная и разработанная, как и ЭПВ, программа подготовки экспедиций первого вейва, в отличие от второй, не работала. Сколько бы заботы ни изливало общество на разведчиков новых планет, возвращаясь из миссий, они продолжали гибнуть. Может, потому что ЭПВ с самого раннего возраста готовила людей только к миссии, а не к жизни после нее… а может, потому что возвращалось слишком мало.

Из пятидесяти человек стандартного экипажа, отправляющегося в первый, разведывательный вейв, обычно лишь двое-трое могли увидеть Метрополию вновь. Судьба трех счастливчиков, вернувшихся из Ада, потерявших десятки товарищей и выгоревших внутри дотла ? это не судьба дорогостоящей исследовательской миссии. Вернон закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Открыл. “Это нужно менять”.

Первый раз они вернулись из Ада всемером. Огромное число для провальной миссии. Этот факт и бесценный опыт, привезенный с Аделаира, сделал для

Вернона и трех его коллег возможным второй полет. За сто шестьдесят лет программы вейвов повторно в развед-этап летало едва ли три десятка человек, да и то в основном только в самом начале, когда псих-тесты не были столь совершенны. Вернон знал, что шестеро умудрились слетать в Ады трижды, а еще двоим повезло, и во второй раз они нашли Рай. Ямакаве не повезло. Его второй развед-вейв, к Нью-Церере, тоже был в Ад. Но вернулось из него двадцать два человека.

Вернон выдохнул, поджал губы и открыл панель со статистикой. Единственное, что хорошо работало в РеаВер, это модель оценки времени вероятной продолжительности жизни. Для Калеба ? погрешность меньше недели. Вчера почти у всех в запасе было полгода. Сегодня у троих упало до двух месяцев. И больше дюжины не проходят по тестам на развед-вейв. Он сам не проходит.

Сын вейверов, рожденный на одной из суперземель Зенона, он был из тех, кого специально выводили для ЭПВ. Даже не отбирали ? именно выводили. Самые смелые, самые сумасшедшие, агрессивные или бесконечно хладнокровные и расчетливые ? разные, но все практически лишенные эмпатии и потому непригодные для нормальной социализации и часто опасные для общества, эти люди идеально подходили для первого, самого сложного полета к неизведанным мирам… Всех их стали отбирать и готовить еще полтора века назад, когда стало понятно, что отправлять в первую же экспедицию ученых и колонистов ? это как стрелять по средневековым стенам микроскопами. Эпоха, когда полет в космос был наградой, и туда отправлялись только самые лучшие из людей, миновала. Программа Ковчегов, первая попытка колонизации экзопланет, обернулась трагедией: из почти трех сотен кораблей только шесть прибыли к пригодным для заселения мирам, а большинство просто не пережило выхода со сверхсвета в нормальное пространство из-за несовершенства навигационных расчетов и двигателей.

К сожалению, получать точные данные об экзопланетных системах астрономическими методами чертовски сложно, да и способ путешествий на межзвездные расстояния приводил к перемещению не только в пространстве, но и во времени, поэтому за информацию о новых мирах приходилось платить жизнями. Программу Ковчегов пришлось закрыть, а процесс колонизации разбить на три этапа-вейва: разведку, основание базы и собственно колонизацию. Вероятность успеха первой экспедиции к новой планете катастрофически мала, к тому же примитивные двигатели предыдущего поколения кораблей стали перерождаться в локальные гравитационные

аномалии, делая навигацию в потенциально перспективных системах непредсказуемой, а порой и разрушая их, вышвыривая Ковчеги в неведомом направлении и тем самым создавая угрозу уже заселенным планетам. В итоге, человечество вынуждено было посылать развед-вейвы иногда лишь для того, чтобы обезвредить ядро древнего звездолета.

Это страшно. Большинство людей не в состоянии выдержать психологического напряжения встречи с огромной, безразличной, непредсказуемой и опасной пустотой. После нескольких неудачных попыток, для экипажей развед-вейвов удалось определить, что некоторые специфические социо-модели команд гораздо эффективнее прочих. Правда, в то время соответствующие тесты были просто как каменные рубила по сравнению с лазерным резаком, и поэтому активно собирались генетические материалы и половые клетки будущих разведчиков. Сложные генетические паттерны были найдены даже раньше, чем построены необходимые модели психики, и вейверов стали выводить. Вернона воспитывали в специальном лагере с самого первого дня, его родители погибли в двух разных Адах еще до его рождения. Теоретически, он должен был последовать за ними и в свои девятнадцать сгинуть одним из первых в Аду Аделаир. Все привыкли к тому, что вейверы не возвращаются. Доктор Ямакава это изменил. Дело оставалось за малым: сделать так, чтобы, возвращаясь, вейверы не продолжали умирать.

Планшет тихонько зажужжал сигналом вызова, и Вернон тут же тапнул иконку ответа.

– Привет, Мир.

– Привет, Вер. Встреча с Робертом сегодня в три часа.

– Я не пойду. Сегодня нет смысла.

Широкое, открытое лицо Владимира Семенова на экране не дрогнуло ни единым мускулом, но Ямакава заметил, как друг внутренне напрягся.

– Кто?

– Калеб. Говорить с Робертом не о чем.

Мир внимательно всмотрелся в лицо собеседника. Он знал, что где-то там, глубоко в холодных, желтых глазах спрятано горе по погибшему товарищу. А рядом ? неумолимые цифры результатов психологического моделирования. Калеб был не выведенным для ЭПВ, а отобранным, и единственным из команды, кто, хоть и на самом краю, но попадал в пятидесятый перцентиль второго вейва. Он был практически обычным, и с ним у людей Ямакавы были все шансы полететь к звездам снова, но уже не в развед-экспедицию, а в базовую. Не в глухую неизвестность, в эфемерной модели которой астрономы углядели намек на возможность колонизации, этакий торт из парсеков враждебной физики и химии с вишенкой непогашенного движка Ковчега неподалеку. Нет, с Вудвейла разведка вернулась в полном составе. Планета была пригодной для жизни. Вейверы называют такие Раями.

– Я тогда один схожу. А потом заеду к тебе и проверю, что ты там пьешь!

Вернон криво ухмыльнулся, и отсалютовал Владимиру стаканом с чаем.

* * *

Хилмид, 2548-07-25 14:17

Отключившись, Владимир подхватил со стула форменный китель и, застегиваясь на ходу, двинулся к гаражу. Узкая металлическая планка на груди матово блеснула в свете диодов потолочного освещения. “Б-32 Вудвейл. Руководитель экспедиции”.

Семенов впервые встретил Ямакаву сразу после возвращения того с Аделаира. Тогда он выглядел долговязым истощенным стариком, лишь обвисшая кожа на костях. По какой-то причине Вернон потерял тогда все волосы, не было даже ресниц. Мир, в то время еще совсем недавно закончивший курс колониального менеджмента и только начинавший собирать свою команду, одним из первых заинтересовался полевыми дневниками этой экспедиции. Он сутки напролет проводил с вейверами, внося изменения в программу подготовки своей будущей миссии. На его глазах к Вернону возвращалось здоровье. Правда, Верноном тогда Ямакаву никто не называл. Через пару месяцев стало ясно, почему. Выросший на суперземле, Ямакава был носителем генетического комплекса

Bear. Мышцы восстанавливались невероятно быстро, и Вернон снова стал огромен. Почти два метра ростом, мощный, но при этом ловкий, как барс, с жестким ершиком черных волос, доставшихся, похоже, вместе с фамилией, и яркими, янтарно-желтыми глазами. В средние века на такого не пожалели бы серебряных стрел. Все вейверы звали его Вервольфом.

Услышав щелчок закрывшейся дверцы флаера, Владимир включил автопилот. Аделаир оказался чудовищным местом. В нормальной на первый взгляд системе обнаружилась первичная черная дыра в три массы Юпитера. Вместе с двигателем Ковчега, отправленного в систему более трех веков назад, они смяли пространство-время, сделав не то что колонизацию ? навигацию практически невозможной. Все три планеты системы ? чуждые, непригодные даже для посадки миры, а окно на возврат отодвинулось на два года. В Метрополии никто не надеялся найти на вернувшемся разведчике хоть кого-то живого. Нашли семерых. Одного, правда, спасти не удалось, он скончался через месяц.

Тогда модели продолжительности жизни вернувшихся дали серьезный сбой. По расчетам, возвращенцы с Аделаира умирали в течение полутора лет. В реальности, все шестеро были живы до сих пор. “Пятеро”, ? поправил себя Мир. Один из них вышел в вакуум на орбите Нью-Цереры без скафандра, когда узнал о гибели семнадцатилетней девчушки. Но это было намного позже. А тогда, восемь лет назад, вместо шести трупов вернувшиеся представили три диссертации, по планетологии, экзо-агрономии и рациональному управлению ресурсами в развед-миссиях. Все ? с чистыми и идеально выверенными математическими обоснованиями. Все ? с четким и подробным набором инструкций и алгоритмов действий. Борис, для которого Аделаир был уже вторым Адом, и Алания не смогли полететь по состоянию здоровья и сейчас преподавали в центре подготовки вейверов и колонистов. Остальные четверо полетели снова. “Эти ребята ? герои. Они совершили прорыв, революцию в освоении космоса, сравнимую с изобретением квантово-гравитационного двигателя. Больше того, они сотворили чудо, и теперь не надо заливать дорогу к новым мирам кровью. Что бы там ни говорили чертовы тесты, эти люди заслужили свое право на Рай, как никто другой”.

У выхода с парковки возле здания Управления Космических Миссий Владимира ждал невысокий, худощавый и уже лысеющий человек в сером комбинезоне без знаков различия, поверх которого был одет старомодный, но идеально сидящий шерстяной пиджак. Этот странный мужчина, похожий одновременно на

конторского клерка и наемного убийцу, вызывал у Семенова смешанные чувства. Грегор Моррис был штатным псих-координатором экспедиции на Вудвейл.

Коротко кивнув друг другу, коллеги направились к зданию.

* * *

Хилмид, 2548-07-25 13:22

Несколько минут спустя, в кабинете Роберта Левицки, директора программы вейвов, Владимир в полной мере осознал и прочувствовал то, что имел в виду Ямакава, когда сказал, что разговаривать сейчас нет смысла.

– Семенов, ты пойми, у тебя прекрасная команда, такую идеальную модель собрать чрезвычайно сложно! Нет никаких рациональных доводов отказываться от этой удачи!

– Я бы сказал, эта модель даже слишком идеальная. Она легко выдержит добавление пары десятков менее идеальных кандидатов.

– Ты прекрасно понимаешь, что такая “добавочка”, скорее всего, всё обрушит. К тому же, не стоит забывать о материальном обеспечении. Корабль рассчитан на двести человек. Если людей будет больше, нам придется существенно уменьшить количество оборудования. Это чрезвычайно рискованно и ничем не оправдано.

Роберт мог продолжать свои увещевания часами, но Владимир уже понял, что решение принято, и оно окончательное. И дело тут вовсе не в сложностях, которые повлекут за собой изменения в составе экспедиции.

– Грегор, почему? Я уверен, что Ямакава рассматривал этот вариант всерьез. Он не стал бы даже обсуждать такой подход, если бы видел принципиальные проблемы на пути его реализации.

Моррис пожевал губу. Неприятная пауза затягивалась.

– Понимаешь, Мир… Ямакава и вся его команда смотрят на мир несколько иначе. Это не изъян и не их вина. Тех, кто летает в развед-вейвы, специально подготавливают, тренируют, можно сказать, натаскивают на такое отношение к жизни. Во время миссии каждый из них точно знает, что он должен делать в практически любой ситуации… ? Владимир закрыл глаза, уже понимая, к чему ведет его штатный психиатр, но перебивать не стал. ? В том числе какова приемлемая цена его жизни и жизней его товарищей. Когда вейверы летят в неизвестность, они знают, что их цель – собрать данные и вернуть их в Метрополию. И они знают, что на обратный путь люди не обязательны. Когда надо деактивировать ядро Ковчега, или выйти в неисправном скафандре чинить обшивку, они с легкостью определяют, кто из них будет это делать, потому что у всех пятидесяти есть номера, задающие ценность их жизни для успеха миссии и примерный порядок, в котором они будут гибнуть. А еще в плане заложено, что до десяти процентов в этом чудовищном стрессе не выдерживают и убивают себя сами. Сколько трупов ты готов привезти на Вудвейл, Мир? Что эти трупы сделают с остальной командой? Нам лететь десять месяцев. По сегодняшней оценке, из людей Ямакавы не долетит никто.

Владимир понял, что до скрипа сжал зубы. Выдохнул, расслабил плечи. По очереди посмотрел в глаза обоим собеседникам.

– Вы оба знаете, что показатели изменятся, если они будут включены в экспедицию.

– Потенциальная вероятность самоубийства должна быть нулевой на год для допуска на базовый вейв. А у этих ребят она скачет, как бешеный заяц, ? выдавил из себя Роберт. ? Семенов, я понимаю, чего ты добиваешься, и с радостью помог бы, но это почти гарантирует крах миссии. Даже если бы планета не была столь перспективна, мы не можем так рисковать людьми и будущим колонии.

“Вот для этого ты и нужен был здесь, Вернон… И вот поэтому ты не поехал”. Владимир поднялся из-за стола.

– Понятно, ? Семенов сам удивился, как холодно это прозвучало. Он предполагал такой исход, и не ожидал, как сильно это его расстроит. Интуиция вопила, что надо брать команду Ямакавы с собой, но ссылаться на чутье было глупо, а рациональных аргументов найти не удавалось.

Выйдя из кабинета, Семенов сразу направился к лифту и поднялся на крышу здания, на самую верхнюю террасу. Возвращаться в лагерь подготовки экспедиции не было сил. День стоял жаркий, а на такой высоте было ветрено. Владимир подставил лицо под горячие упругие порывы.

Как объяснить Роберту, Грегору, да всей Вселенной, что люди, вернувшиеся с Нью-Цереры, ? не отряд самоубийц, и не шайка слабоумных, что эти конкретные homo sapiens хотят жить больше, чем всё остальное человечество вместе взятое?

Семенов сел на бетонное покрытие, открыл планшет и стал машинально отвечать на почту. В будто наполненной туманом голове ночным мотыльком продолжала крутиться мысль: “Какое чудо или катастрофа должны случиться, чтобы мы могли исправить эту ошибку?..”

* * *

Хилмид, 2548-07-25 19:52

Автоматическая дверь отъехала в сторону и Владимир встретился взглядом с хозяином квартиры. Тот свисал с потолка, зацепившись коленями за турник и прижимая к груди спортивный гравиблин, выставленный на максимум. Семенов хмыкнул и направился в кухонный уголок. Вынул из бумажного пакета коньяк, по-хозяйски полез за стаканами. Достал штопор, но, прежде чем открыть бутылку, на секунду засмотрелся на гипнотизирующую паутину транспортных потоков за панорамным окном.

Ямакава ни на мгновенье не замедлил плавного движения, начатого за мгновение до появления Семенова, легко согнувшись в поясе и почти коснувшись подбородком колен. Снова распрямился, так же плавно, и снова согнулся. На утяжелителе светилось 120. Вейвер даже не вспотел. Переложил блин в левую руку, правой взялся за турник, спрыгнул.

Владимир был далеко не мелким, но на фоне Ямакавы казался подростком. Вскрыв наконец коньяк, Семенов наполнил один из двух стоящих на столе

стаканов (более изящной посуды в этом доме не водилось), взял его и направился к креслу. Вернон вынул из шкафа пару жестяных банок и начал колдовать над чаем.

В ожидании, пока друг закончит свое таинство, Мир осматривал комнату. Современные умные дома давали возможность организовать любую планировку за несколько минут, и принадлежащий Ямакаве блок позволял создать квартиру в двух или даже в трех уровнях, но хозяин убрал все перегородки и перекрытия, сформировав одно, огромное и очень светлое, пространство.

Турник аккуратно задвинулся в стену, и в зале остались лишь кухня, два кресла и небольшой журнальный столик между ними, на котором в беспорядке лежали кубики с образцами пород, и планшет. На кухонной поверхности у окна стоял горшок с пушистым кустиком мяты.

– Я говорил, что нет смысла идти к Роберту сегодня? ? Вернон поставил на стол простой керамический чайник, от носика поднимался пар, пахло черной смородиной.

– Грегор полагает, что вы не долетите. Это бред, но без моделей его не переубедить.

– У меня нет других псих-моделей, Мир.

Семенов отхлебнул коньяк, глядя, как Ямакава наливает себе чай, в точности такого же цвета. Откинувшись в кресле со своим стаканом, Вернон в упор посмотрел на гостя. Про себя Владимир в который раз поразился тому, как неожиданно и дико на широком азиатском лице выглядят яркие, коньячно-желтые глаза.

– Вудвейл великолепен. Занесенная Ковчегом жизнь на удивление легко заселила планету, а расположение системы сделает из этого мира четвертую Метрополию.

– Зачем ты мне это говоришь? ? Владимир поджал губы и отвернулся к окну.

Он прекрасно понимал, что дело не в Грегоре с его маниакальной приверженностью тестам, и не в упрямстве начальника управления. Как бы он ни хотел видеть Вернона в своей команде, рискнуть таким сокровищем не смогли бы ни Семенов, ни сам Ямакава.

После информационной революции XXI века, когда появилась возможность быстро и эффективно автоматизировать практически любую рутину, а роботизация постепенно освободила огромные трудовые ресурсы и значительно расширила ресурсы материальные, человеческое общество начало активно меняться. К счастью, накопившиеся экологические проблемы и другие аспекты, вызванные глобализацией и чрезмерным потреблением, не позволили миру скатиться в идиократию. Семь пандемий, прокатившихся по Земле за два века, и серьезные климатические изменения показали, что, кроме людей, единственный действительно ценный ресурс ? это научные знания о реальном мире.

Получение этих знаний и развитие технологий на их основе из странноватого хобби, каким оно было в XVIII веке, превратилось в единственный возможный способ выжить для всего человечества. Этот переход вовсе не был приятным и легким. Череда экономических кризисов, несколько десятков религиозных восстаний и две священные войны… Потребовалась смена пяти поколений, чтобы человечество приняло позицию, сформулированную ещё в тридцатых годах XXI века: базирующийся на науке технический прогресс ? необходимое условие существования цивилизации. Больше полутора веков потребовалось для того, чтобы переключить систему ценностей с безудержного потребления на добычу научных знаний. И если тысячи лет назад вся экономика тогдашней цивилизации работала на гробницы для царей ? пирамиды, ? то сегодня она работала на освоение новых планет. Столь же дорого и амбициозно, столь же уместно и оправдано в головах современников. Пригодные для колонизации миры чрезвычайно редки, и никакая дружба или заслуги отдельных людей не стоят того, чтобы рискнуть новым миром.

– В текущих обстоятельствах никто не заменит команду планетологов базовой миссии, ? Вернон отхлебнул чай. И продолжил, совершенно спокойно: ? Мы можем полететь через четыре года, в заселение.

В абсолютной тишине огромной комнаты повисла тяжелая пауза. Внезапно Семенов заметил, что индикатор состояния на шее у Ямакавы уже не желтый, а оранжевый, и продолжает краснеть.

– Вшестером, ? Вервольф поднял глаза от стакана, и Мир увидел в них бесконечную, неизбывную тоску, и гнетущую, изматывающую панику. Ямакава готовился терять своих товарищей. Снова.

Глава 2

* * *

Хилмид, 2549-05-04 11:43

Владимир устало откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и потер переносицу. До старта экспедиции оставалось чуть больше года, и работы с каждым днем становилось все больше. ”А может, я просто сам ее себе придумываю, эту работу?” Семенов устало запрокинул голову и посмотрел в потолок. На нем весело гонялись друг за другом тени березовых листьев. Перекатил голову на бок, скользнул взглядом по снующим по базе людям. Какая-то часть из них ? будущие колонисты, а остальные ? инструкторы, врачи, аналитики, проектировщики, снабженцы ? сотни, если не тысячи, специалистов, собирающих и обрабатывающих данные, разрабатывающих материальное и методическое обеспечение новой колонии, выполняющих миллионы различных операций, делающих невероятно сложное, но реализуемое чудо освоения новой планеты возможным… Из всей толпы взгляд невольно остановился на огненно-рыжей шевелюре Деборы. Она сидела на газоне в окружении отряда инженеров. Владимир усмехнулся. Это была самая разношерстная команда в составе миссии, от крохотной большеглазой Зухры до огромного, темнокожего, тоже с комплексом Bear, Джошуа Габы. Ребята что-то активно обсуждали, Дебора внимательно следила и делала пометки в блокноте. Худощавая, поджарая и некрасивая, с неровной мальчишеской стрижкой, даже сидя она выглядела высокой. “Ты же прилетишь с Верноном в заселение?” Владимир тяжело вздохнул и отвел взгляд.

Дебора Совинсон появилась на базе десять лет назад, вместе с остальными аделаирскими вейверами. Люди, вернувшиеся из этой страшной, непомерно затянувшейся для первой волны экспедиции, привезли бесценный опыт по выживанию в негостеприимном космосе, и Владимир, тогда еще только набиравший свою команду, сделал все, чтобы внедрить их наработки. И, конечно, Семенов был против того, чтобы возвращенцы с Аделаира куда-то улетали, но тогда, пять лет назад, он не сказал ни слова, потому что видел, как наливался зеленью индикатор состояния на шее Деборы в тот момент, когда она узнала о новой экспедиции. В первый свой Ад она летела с номером 7. Во второй ? 38. Вроде бы, чем больше номер, тем выше шанс вернуться. С Нью-Цереры не вернулся сорок первый. Альберт. Владимир знал, что тот просто взял и вышел в шлюзовую камеру, запер люк со стороны станции и открыл внешний. И выпал в вакуум. Без скафандра. Это было дико и совершенно невозможно. Альберт, общительный и веселый парень, уже на Аделаир летел тридцать пятым. Он был из тех, кого не вывели и воспитали в специальном лагере, а отобрали из обычных людей. После возвращения он стал рупором команды, активно продвигая подходы, созданные его товарищами. Пожалуй, без него такое быстрое и широкое признание их достижений было бы невозможным. “Если бы Альберт был жив, у руководства не было бы повода для отказа…” Но Альберт выбрал шлюз.

После возвращения с Нью-Цереры аделаировцы в течение месяца вернулись к работе на базе. Экспедиции второго вейва собирают и готовят заранее, кастомизируя под конкретную планету после получения позитивных разведочных данных с одной из миссий первой волны. Команда Семенова была назначена на Вудвейл за полгода до отлета к Нью-Церере, и аделаировцы, увлеченные своей экспедицией, знали лишь название, но по возвращении они активно включились в адаптацию программы колонизации под конкретный мир. В течение нескольких месяцев Ямакава втянул в работу всех остальных вернувшихся с Нью-Цереры, и поднимающаяся было волна самоубийств среди них, казалось, приостановилась. “Надолго ли?” Все возвращенцы носили на шеях индикаторы состояния, никогда не скрывая их под одеждой, и Владимир видел, как с оранжевых они со временем желтеют, и даже переходят в лимонный, почти желто-зеленый, но не далее. “Нет, не все.”

На утро после того памятного “чаепития” Вернон заблокировал Миру доступ к своему индикатору через информационную систему, оставив лишь критические оповещения. Своей команде, видимо, тоже, потому что Семенов не раз замечал обеспокоенные взгляды Деборы. С того дня Ямакава носил исключительно свитера с высоким воротником, так что показания датчиков были доступны

только специалистам команды восстановления. Владимиру в пору было обидеться на такое отношение, и, теоретически, начальник экспедиции мог получить доступ к этим данным по неофициальным каналам, но он слишком хорошо знал Вернона. “От чего ты нас всех опять защищаешь, зараза?!”

Невеселые мысли Семенова прервал сигнал вызова. На экране возник директор программы вейвов. “Черт!” Роберт выглядел напряженным и встревоженным. И, похоже, звонил из флаера.

– Добрый день, ? ровно произнес Семенов, ничем не выдавая своего беспокойства.

– Добрый, ? приветствие директора было еще более пустым, даже не дань формальности, а просто рефлекс. ? Владимир, мне нужно кое-что сообщить тебе и Ямакаве. Это весьма срочно, поэтому я жду вас в малом конференц-зале базы через полчаса.

“Весьма?!” Мир мгновение смотрел на потемневший экран. Он никогда еще не видел Левицки, этого мастера дипломатии и интриг, настолько взволнованным. “Что это за новость, что ты лично прилетел за тысячу километров, чтобы сообщить ее?”

Владимир уже занес палец над кнопкой вызова напротив контакта Ямакавы, как увидел того прямо под окном кабинета. За плечом Вернона стояла Дебора, и, похоже, вейверы о чем-то спорили с парнями из команды спасателей. Невесело усмехнувшись, Семенов встал и направился на улицу.

– Послушайте, я понимаю, зачем мне практика по приему родов, но почему я должен две недели вручную выкармливать новорожденного?! ? громко возмущался Серж, один из спасателей. ? Вероятность того, что это кому-то пригодится, меньше одной пятидесятетысячной! Да и то, цифра явно завышена, за сотню лет это не потребовалось ни-ра-зу!

Семенов хотел уже окликнуть Ямакаву, но остановился в дверном проеме, так и не выйдя на улицу. Что-то было неправильно в этой сцене, и в следующий момент Мир понял, что. За спиной Сержа стоял его командир, Арчи Сильвергейм. Отважный весельчак, открытый и честный, душа любой компании, но вместе с тем талантливый лидер, Арчи всегда горой стоял за команду, и за свой отряд.

“Именно что горой”. Как и Вервольф, Арчибальд был носителем Bear. Загорелый, белобрысый, вихрастый, с веснушками через всё лицо и яркими синими глазами, размером он был так же огромен, как Ямакава. И почему-то сейчас он молчал. А вот Вернон ? нет:

– Если этого никогда не случалось, значит, больше шансов, что именно на Вудвейле это произойдет.

– Вероятности. Так. Не работают! ? издевательски усмехнувшись, по словам произнес Серж.

– Ты прав, ? казалось бы, легко сдался Ямакава. ? Но так работает твой мозг, и теперь твоему сну будут мешать мысли о том, что во время эвакуации с одной из космических исследовательских обсерваторий Вудвейла ты оказался в одной капсуле с беременной женщиной. Она умерла родами, и ты ждешь, когда чертову капсулу найдут, с крохотным человеком на руках.

Мир невольно усмехнулся той откровенной самоуверенности, с которой Вернон манипулировал спасателем. Серж угрюмо сплюнул себе под ноги, и пошел в сторону медчасти. Арчи последовал за ним, так ничего и не сказав, а Семенов наконец подошел к вейверам. Дебора тут же повернулась к нему и едва заметно, но тепло улыбнулась. Ямакава продолжал смотреть вслед спасателям, как-будто чего-то ожидая.

– Что-то не похоже на Арчи, ? заметил Владимир.

В этот момент Сильвергейм обернулся, встретился взглядом с Вервольфом, залился краской и тут же отвернулся. Только после этого Ямакава посмотрел на Семенова.

– Ты должен прекратить этим пользоваться, ? тихо, но настойчиво и с укором сказала Дебора, и до Владимира начала доходить причина бездействия командира его спасателей.

– Если я прекращу, мы будем бить друг другу морды, ? так же тихо ответил Вер.

Мир внимательно взглянул в лицо своего друга, но не заметил ни намека на ревность или беспокойство по поводу интереса Арчи к Деборе. Понять, что творится в голове у Ямакавы, с каждым днем становилось всё сложнее.

Семенов начал было говорить, но его прервал загудевший планшет Вернона, никаких мелодий, просто вибрация. Вейвер мельком взглянул на последнее сообщение, и по глазам Деборы, которая тоже увидела текст, Семенов понял, что оно от Левицки. Коротко кивнув друг другу, друзья направились к центру базы. Там над деревьями завис флаер, заходящий на посадку на крышу невысокого квадратного здания, где располагался малый конференц-зал.

У входа в корпус их ожидал Грегор. Он едва заметно недовольно поджал губы и хотел что-то сказать, но передумал, увидев, как Ямакава расстегивает молнию и опускает воротник. Мир оглянулся и чуть не отшатнулся от друга. Оранжево-красный индикатор отбрасывал на сосредоточенное лицо вейвера жутковатый блик, но Семенов ожидал как раз чего-то подобного. Гораздо страшнее оказались глаза Вервольфа: в них ощущалась холодная и безразличная неотвратимость цунами. “Это не гнев. Не ярость и не жажда убийства”, ? ошеломленно осознал Владимир. ? “Это страх перед будущим. Страх, который ты перековал в меч где-то в черной пустоте системы Аделаир. И ты открыл индикатор, чтобы окружающие не решили, что ты обезумел. Спасибо.”

Грегор ощутимо напрягся и уткнулся в планшет. Моррис отвечал за психологическую обстановку на базе, и потому у него был доступ к полным моделям состояния всех вейверов, работающих над подготовкой миссии. Семенов неприятно удивился, обнаруживая едва заметную тень брезгливости на лице своего штатного мозгоправа, но открывающаяся дверь малого конференц-зала полностью переключила внимание начальника экспедиции на предстоящий разговор.

Помещение, куда они вошли, слабо ассоциировалось со своим формальным названием. Одну из стен этой просторной квадратной комнаты полностью занимало окно, выходившее на небольшой светлый сосновый лес. Выкрашенные в бежевый стены были местами исписаны разноцветными фломастерами: формулы каких-то расчетов (в основном черные, с зелеными пометками), схема алгоритма моделирования климата на планете с двумя звездами (зеленый, переходящий в фиолетовый, когда первый фломастер закончился), план западного крыла будущей базы на Вудвейле (тоже черный, но расцвеченный неоновыми круглыми стикерами), и симпатичный синий енот возле двери. В

центре комнаты стоял большой круглый стол с россыпью маркеров, забытым кем-то пакетом печенья и хороводом разномастных стульев и кресел. Это помещение использовалось для всего сразу, от совещаний и мозговых штурмов до вечеринок и медитаций, не конференц-зал, а, скорее, кают-компания, оказавшаяся свободной только по причине того, что две минуты назад начался официальный перерыв на обед.

Роберт расположился не напротив двери, а чуть сбоку, сцепив руки в замок перед собой. Вошедшие сели, не дожидаясь приглашения.

– Я обсудил с Нарроу замену команды планетологов в составе экспедиции на Вудвейл, ? с места в карьер, не здороваясь, начал директор. ? В свете текущих обстоятельств это выглядит оправданным. Команда Ховера заменяется на команду Ямакавы. Бюджет изменения – двадцать процентов. Вопросы?

В комнате повисла оглушающая тишина. Моррис потрясенно молчал. Семенову тоже потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать сказанное. Чудо произошло. Светлое и спокойное ощущение, что всё встало на свои места, моментально сняло напряжение в плечах и согрело кончики пальцев. Только в этот момент Владимир понял, насколько сильно переживал за вейверов. Следующей мыслью было что вряд ли Уильям Нарроу, глава развед-экспедиции на Вудвейл, продавил такое неоднозначное решение из чувства солидарности, но это может подождать. Мир радостно повернулся к Ямакаве… и натолкнулся на стену.

– Где Уилл? ? в голосе Вервольфа не было интонаций. Лицо черное. Индикатор – малиново-красный. Планшеты Семенова и Морриса одновременно разразились сигналами тревоги, но тут же замолчали: вейвер волевым усилием заставил себя глубоко вдохнуть.

– Это неправильный вопрос, ? холодно, глядя Ямакаве в глаза, процедил директор.

– На правильные ты мне не ответишь, ? желтые глаза Вервольфа угрожающе сузились.

– Этот выбор взвешен и математически обоснован. Модель колонии отправлена на пересчет. Так как до вылета всего четырнадцать месяцев, вы получите

детали уже в пути. У вас будет достаточно времени на подготовку, ? выдал Роберт явно заранее заготовленную фразу. Выдержка не отказала директору, хотя, похоже, и слова, и само решение дались ему нелегко.

Глаза Вернона превратились в щелки. Левицки не отвел взгляд.

– Ты получишь всю информацию. Первым, ? с этими словами директор встал и вышел из комнаты.

На несколько секунд в воздухе снова повисла тишина.

– Не-е-ет, это не безумие. Это идиотизм. На что они рассчитывают? Даже тридцати процентов не хватит на такое существенное изменение всего за несколько месяцев до старта, ? голос Морриса дрожал от негодования.

Бюджет изменений… Разведывательные экспедиции собирали лишь минимально необходимый объем данных для оценки принципиальной возможности и целесообразности освоения планеты, и, хотя с Вудвейла первый вейв привез значительно больше информации, чем рассчитывалось, даже этого было недостаточно, чтобы построить сколько-нибудь полный план колонизации. Вместо этого аналитики на супер-компьютерах строили вероятностную модель предполагаемой к заселению системы, а потом на ее основе из существующих заготовок и шаблонов собирали МК, модель колонии. В нее входило всё, от имеющихся материальных ресурсов до знаний, навыков и психических особенностей будущих первопоселенцев. МК прогоняли через миллионы имитационных тестов, а также дополняли и уточняли в течение многих лет, и любая корректировка в комплектации и оснащении экспедиции оценивалась в первую очередь в бюджете изменений, необходимых для стабилизации МК. Обычно для сформированной команды второго вейва этот бюджет не превышал четырех процентов, так что директор ПВ был неожиданно щедр.

Вернон внезапно усмехнулся. Моррис недобро глянул на него.

– Самый топорный вариант легко уложится в 3.2 процента, Грегор, ? пояснил Ямакава. ? У меня есть оптимизированный, на полтора. Если надо, обращайся.

– Эта замена ? ошибка! Она разрушит МК. Когда Роберт увидит, чего это стоит, он будет вынужден пересмотреть решение, ? Моррис вскочил и направился к

двери.

– На двенадцати с половиной процентах ты добавишь в ресурсное обеспечение годовой запас элитного черного чая! ? весело крикнул Вернон ему вслед, но как только раздвижная створка снова закрылась, вейвер снова помрачнел. Индикатор на шее так и оставался красным.

Друзья еще немного помолчали, наблюдая как свет ровными широкими полосами прорезает кроны сосен, словно создавая в дополнение к рыжим стволам еще и белые. Владимир был уверен, что замена команды планетологов ? это верное решение. Джерард Ховер ? блестящий профессионал, сумевший собрать вокруг себя такую же звездную команду, и ребята Ямакавы, скорее всего, уступали им в глубине познаний, но Семенова всегда несколько беспокоила чрезмерная специализированность этого отряда. Вейверы, более универсальные, и с огромным практическим опытом, были ценным приобретением безотносительно личных пристрастий Мира, однако, как основной вариант, он рассматривал не замену, а добавление еще одного отряда. Планетологи Ховера давно стали неотъемлемой частью коллектива, и вместе с ними Семенов мог потерять существенную часть научного подразделения, включая лидера биологов, Вязиницыну. “Что заставило тебя рискнуть экспедицией, Роберт?” Сейчас, когда первые эмоции схлынули, причина этого решения и то, что она осталась неназванной, вызывало у Мира серьезные опасения.

– Это норма первого вейва, ? вдруг сказал Вернон.

– Что?

Ямакава потер глаза.

– Двадцать процентов бюджета изменений. Это норма первого вейва на корректировку состава команды. ? Помолчал. ? Этот говнюк назвал решение математически обоснованным… Что за такие обстоятельства Нарроу не включил в официальный отчет, Мир?

– Я не знаю, Вер. ? Семенов внимательно посмотрел в глаза друга, разделяя его беспокойство. ? Что бы там ни было, я уверен, мы справимся.

Владимир встал и протянул Ямакаве руку.

– Это “что-то” делает два десятка людей, способных платить за решение проблем колонии своими жизнями, необходимым ресурсом второй волны Вудвейла, ? Вернон сжал руку друга и тоже поднялся. ? Мир, это повод отменить экспедицию.

– Вер, ты видел, Роберт уверен, что этой замены достаточно, чтобы стабилизировать МК. Мы оба знаем, что он никогда не пошел бы на такой шаг без точных численных оценок. Мы справимся, ? Владимир улыбнулся. ? Времени мало, сообщи остальным.

Вернон на секунду зажмурился, и решительным шагом направился к выходу из здания, Мир последовал за ним.

На улице обнаружился “комитет по встрече”: в нескольких метрах от дверей стояли Дебора Совинсон и Робин Дэниэл Оливо, второй человек, вместе с Ямакавой прошедший Аделаир и Нью-Цереру. Крепкий, как и большинство вейверов, от природы смуглый и дочерна загорелый так, что серые глаза на широком лице казались белыми, Роб всегда излучал ту уверенность и спокойствие, которые бывают свойственны только врачам. Врачам-универсалам, которых готовят исключительно для развед-экспедиций. Оливо был абсолютно лыс, ни бровей, ни даже ресниц. Врожденная ли это особенность, или последствие экспедиций, Семенов не знал, а замкнутый характер Роба не располагал к расспросам.

Вейверы стояли очень близко, почти вплотную, и молчали. На газоне за их спинами сидел Арчи с двумя бутербродами в руках и недовольным лицом. Заметив выходящих из здания мужчин, Дебора нахмурилась и тут же направилась к ним, а Владимир заметил, как в глубокой тени деревьев шевельнулся Моррис, решивший, видимо, понаблюдать, как воспримут новость остальные члены новой команды планетологов Вудвейла.

Девушка тем временем внимательно и со всё возрастающим беспокойством всмотрелась в слегка нахмуренное лицо Ямакавы, словно надеясь, как и директор четверть часа назад, прочитать его мысли. Индикатор на ее шее с желто-зеленого стал стремительно желтеть.

– Что случилось?..

– Мы летим на Вудвейл во вторую волну. Мы все.

“Если у счастья есть определение, то оно выглядит так,” ? подумал Мир, наблюдая, как на глазах меняется Дебора. Гормоны в ее крови перекрасили квадратик на шее в ярко-зеленый, но это была такая бессмысленная и малосущественная ерунда на фоне вспыхнувшей в ней надежды. Слова Вернона, отрывочные и сухие, как-будто сняли с плеч девушки пару сотен килограмм, и омолодили ее лет на десять. Семенов поймал себя на том, что откровенно любуется ею, самой прекрасной и самой счастливой на свете, а еще что белой завистью завидует Ямакаве, на котором повисло это радостное солнышко. Крепко обняла за шею, прижалась всем телом. Через мгновение Вернон ответил на объятия, бережно обхватив ее спину, и они стояли так несколько секунд, как в центре Вселенной: она, стремящаяся разделить свое счастье с одним из самых дорогих ей людей, и он, пытающийся утопить свои тревоги в ее свете. Больше чем друзья, больше чем брат и сестра. В этот момент они словно не были отдельными людьми.

Волшебный момент схлынул, но улыбка осталась в глазах Деборы. Она едва заметно кивнула, и побежала к Робу. Встала напротив, почти вплотную, что-то прошептала, и индикатор на шее врача тоже начал стремительно зеленеть. Вейверы поспешили куда-то вглубь базы, торопясь сообщить радостную новость остальным.

Семенов понял, что его губы сами собой расплываются в улыбке. “Это правильное решение. Хотя воплотить его будет непросто”, ? начальник экспедиции переключил свое внимание на Сильвергейма. Арчибальд отчаянно ревновал, и эта яркая, совершенно мальчишеская ревность превращала уверенного и харизматичного лидера команды спасателей в растрепанного подростка. Мир усмехнулся про себя, понимая, что это сейчас меньшая из его проблем.

– Ты полагаешь безопасным вот так в лоб сообщать информацию, от которой сам чуть не словил инфаркт? ? поднял глаза от планшета подошедший Моррис.

– Да, ? спокойная уверенность в голосе Ямакавы так вызывающе контрастировала с оранжево-красным индикатором на его шее, что Владимир

лишь снова усмехнулся, на этот раз вслух.

Глава 3

* * *

Хилмид, 2549-05-05 7:20

Новость о замене команды планетологов облетела базу за несколько минут и превратила лагерь подготовки экспедиции во встревоженный улей. Чтобы как можно быстрее вернуть всех в рабочее русло, Семенов назначил совещание руководства колонии на следующее же утро.

Вейверы были задействованы сразу на нескольких направлениях в течение многих месяцев, и давно примелькались на базе: Дебора вместе с инженерной командой занималась проектом орбитальной группировки спутников мониторинга и связи, Роб и еще несколько ребят планировали организацию первичного ресурсного обеспечения колонии, три человека под руководством Алии Барабур помогали группе Ховера обсчитывать модели тектоники Вудвейла. Возвращенцев уважали, и к их мнению прислушивались, но участвовать в подготовке и быть членом основного состава экспедиции ? не одно и то же.

Базовая волна колонизации, примерно две сотни человек, должны основать колонию, и обеспечить ее выживание. Что бы ни случилось, даже если связь с остальным человечеством навсегда оборвется, эти люди не будут возвращаться, любой ценой доставляя собранные данные, как развед-вейвы, нет, эти люди, во что бы то ни стало, должны в первую очередь продолжать жить, строить новый мир, не только сохранять, но и развивать технологии… А еще создавать семьи и растить детей. Так что для второго вейва подбирались кандидаты, обеспечивающие максимальное генетическое разнообразие, а возможные пары начинали формироваться еще до полета. “Сколько таких отношений придется разрушить?”

До совещания оставалось еще сорок минут. Владимир сделал маленький глоток безумно горького, но ароматного эспрессо, открыл наброски изменений, подготовленные Грегором за ночь, и поперхнулся. Моррис, неоднозначный, но безусловно умный человек, быстро понял, что Ямакава прав: как только вейверы узнали, что они полетят на Вудвейл, психологическое состояние большинства из них стабилизировалось и значительно улучшилось. К тому же, Владимир подозревал, что аделаировцы подкрутили какие-то параметры при отборе людей на Нью-Цереру, да и в самом Аду погибли в основном отчаянные сорвиголовы, так что возвращенцы были хоть и неординарными, но адекватными и очень хорошо подготовленными космонавтами, поэтому предварительный план Грегора вносил всего 2.7 процента изменений, причем 0.4 из них были посвящены лично Ямакаве. Для него Моррис утроил количество психологических тестов, сократил рабочее время до четырех часов в день, и прописал танцетерапию. Кроме того, “в целях повышения стабильности и контролируемости МК”, псих-координатор затребовал открытие полного доступа к досье и текущему состоянию Вернона для всех членов основного состава экспедиции. Всё это выглядело бы как мелочная и жестокая месть, если бы не два обстоятельства: датчик на шее лидера вейверов всё ещё показывал “значительно ниже приемлемого”, а управление так и не открыло новую модель колонии.

Психолог разослал свой черновик всего полчаса назад, но Ямакава уже поставил свою электронную подпись в таблице согласований. Первым. “Экспедиция за один день из отлично сработанной команды превратилась в цирк”, ? с этой мыслью Семенов открыл дверь малого конференц-зала, где уже собрались почти все лидеры колонии и некоторые их заместители.

Вернон тоже был в комнате, и, похоже, считал своим долгом перевести ситуацию с уровня “цирк” на уровень “дурдом”. Закинув правую ногу в тяжелом ботинке на колено левой, он сидел у окна, в дальнем от двери углу, ровно в том месте, куда падал первый взгляд каждого входящего.

Вместо обычной ежедневной одежды сегодня Вервольф натянул старый форменный комбинезон с нашивками программы первых вейвов и экспедиции Р-218 Аделаир. К как обычно закатанным до локтя рукавам добавились подвернутые до середины голени штанины. На износостойкой, чистой, но местами подпаленной ткани отчетливо проступали заплатки. Сделанные специальным ремонтным скотчем, они, как правило, сливались с основой и были практически невидимы, на Верноне же они пересекали когда-то синюю, а сейчас

практически выцветшую, но всё ещё заметную цифру 4, и неожиданным и неприятным образом продолжались шрамами на предплечьях, кистях и икрах вейвера. Один из рубцов, обычно едва заметный, шел по шее слева направо, мимо оранжевого индикатора, поднимался по правой скуле и, пересекая бровь, нырял куда-то под черный ершик волос. Память Семенова настойчиво дорисовывала его до воспаленной красной полосы на изможденном лице лысого старика, каким был Ямакава в их первую встречу.

Похоже, глава новой команды планетологов поставил задачу смутить и выбить из колеи абсолютно всех в комнате, и выполнил ее в полном объеме. Этому немало способствовал резкий контраст с тем, кого Ямакаве предстояло заменить: Джерард Ховер, по своему обыкновению, был одет неброско, но стильно, и обычно это подчеркивало впечатление успешного профессионала, но на фоне Вервольфа он на секунду показался Владимиру кабинетным карьеристом. ”Вот они, недостающие 17.3 процента бюджета изменений в социо-психологической модели колонии. Вряд ли на этой планете можно найти двух менее похожих людей”.

Если волнение Ховера выдавали только едва заметная наигранность во всегдашней уверенной улыбке и напряженный блеск в серых глазах, то у Арчи смущение было написано поперек лица. Видимо, он пришел на совещание прямо после утренней тренировки по атмосферным полетам, и на нем был точно такой же комбинезон, как на Верноне, только с нашивками Вудвейла и совершенно новый. Такой же огромный, как Ямакава, Сильвергейм, похоже, ощущал себя в этом своем новом комбезе сопливым мальчишкой, или даже бестолковым щенком рядом с матерым космическим волком. Семенов знал, что между этими двумя намного больше общего, чем генетический комплекс Bear, но тем более вызывающими казались внешние отличия.

Этьен Арбогаст, глава инженеров, худощавый и лысый, тоже был одет в свой рабочий комбинезон, причем гораздо более поношенный, чем у Арчи, и потому казался союзником Ямакавы, что вряд ли соответствовало истине. В качестве партнерши по танцетерапии Моррис выбрал Зухру, как раз из инженеров. Все в этом отряде относились к миниатюрной девушке, как к младшей сестренке, и сложившаяся ситуация не вызывала у них восторга. Видимо, поэтому Этьен расположился возле двери, подальше от Ямакавы, и неодобрительно посматривал в сторону вейвера своими большими и печальными, как у сенбернара, глазами.

Начальник медслужбы, Лидия Маккой, разделяла это неодобрение, но по совершенно другим причинам. Для ее группы получить доктора Оливо, пусть и не в прямое подчинение, было несомненной удачей, но большинство возвращенцев успели приобрести весьма специфические хронические патологии, что прибавляло врачам забот. К тому же, ярко-оранжевый датчик на шее Ямакавы вызывал у Маккой рефлекторное желание вынуть из кармана портативный диагност.

Семенов невесело подумал, что это самое неловкое совещание из всех, в каких он когда-либо участвовал. Даже Дебора, похоже, смущалась выходки своего товарища, но больше всего Владимира беспокоило, как воспримет внезапную рокировку лидер команды биологов, Малиника Матвеевна Вязиницина. Про себя начальник колонии считал ее одним из ключевых и абсолютно незаменимых специалистов в составе экспедиции. Как и Ховер, она была блестящим профессионалом, но кроме ассимиляционной агрогенетики, своей титульной сферы научных интересов, она прекрасно разбиралась практически во всем, что касалось живой материи, в том числе в человеческих отношениях. Прекрасный руководитель и тонкий политик, она привела в команду многих других замечательных людей, включая группу Ховера. И у всех было основание полагать, что они с Джерардом собирались обручиться. “Смогу ли я сохранить экспедицию, если она уйдет?”

Малиника стояла, опираясь на спинку стула, у противоположного относительно Ямакавы края панорамного окна. Свет снаружи превращал ее в темный силуэт, но даже сейчас в ее внешности, казалось, не было ничего необычного: светло-русые, заплетенные в короткую толстую косу волосы, правильные, но не броские черты лица, темные, серо-синие глаза. Фигура из тех, что выглядит женственно даже в бесформенном комбинезоне, или, как сейчас, в старых, измазанных травой джинсах. Вязиницыну можно было бы назвать миловидной, но заурядной, если бы не взгляд. Семенов затруднялся объяснить, что не так с этим взглядом. Нет, он не был ни очаровывающим, ни властным, ни сострадающим, но каким-то образом от него всегда становилось легче, и появлялась уверенность, что всё будет хорошо.

Хотя сейчас у самой Малиники, судя по закушеной губе, такой уверенности не было.

Последним вошел Моррис, невыспавшийся и злой. Раздраженно прищурился, глядя на Ямакаву, и предложил начинать.

– Кто-нибудь в курсе причин замены? Что конкретно не так с МК? ? после короткой паузы спросил Арбогаст.

– Нет, у нас нет этих данных, ? Семенов отвечал абсолютно спокойно, надеясь, что его уверенность передастся остальным.

– Хорошо. Может, хотя бы новую расчетную вероятность успеха? ? Этьен специализировался на космической баллистике, и привык полагаться на модели.

Эту цифру Владимир знал:

– 87.3 процента.

В комнате повисла потрясенная тишина.

– А было 98.6, ? озвучил общую мысль Расти, заместитель Сильвергейма.

Краем глаза Семенов увидел, как Дебора едва заметно улыбнулась. Её и новая цифра вполне устраивала.

– Погодите, если это изменение действительно обоснованно, то они должны были пересчитать модель природы, а затем, как минимум дважды, модель колонии: до замены и после. Это не менее полутора лет! Неужели управление всё это время молчало?!

– Я уверен, что десять месяцев назад Левицки не был в курсе. Вернон?
? Владимир прервал свои объяснения, заметив остекленевший взгляд вейвера.

– Скорее всего, они собрали гибрид на основе модели развед-экспедиции. Расчеты для первых вейвов менее детальны, но так проще вносить изменения.

– То есть, цифра не точна?

Ямакава кивнул одними глазами.

Снова возникла пауза. Грегор пожевал губу и выложил то, что обязан был сказать как псих-координатор экспедиции, и чего Владимир боялся больше всего:

– Ситуация изменилась кардинально. Мы должны дать всем членам команды возможность решить, готовы ли они продолжать работу в новых условиях, или предпочтут уйти. Бюджет изменений это позволяет.

Моррис замолчал, и тяжелая тишина опять огромным воздушным шаром стала заполнять помещение, но лопнула от звенящего голоса Вязиницыной:

– Как раз наоборот.

Все удивленно посмотрели на нее. Малиника выпрямилась стукнув ножками стула об пол.

– Мы имеем доступ к актуальным моделям природы и колонии? ? внезапно обратилась она к Ямакаве.

– Нет.

Слово упало как тяжелый камушек.

– Мы должны заморозить любые существенные изменения кроме абсолютно необходимых. В первую очередь – состав экспедиции.

– Поскольку я уже точно туда не вхожу, я скажу то, о чем, я уверен, сейчас думает каждый, ? подал голос Ховер. ? Какого черта управление не озвучивает эту новую информацию? Открытость – один из ключевых принципов программы вейвов.

– Мда, без этих данных мы не сможем стабилизировать МК. Такая неопределенность может привести к катастрофе, ? кивнул Арбогаст.

Малиника усмехнулась.

– Не думаю, что нам нужно настаивать на оглашении причин. Скорее всего, они достаточно весомы, чтобы отложить полет на десяток лет, а то и вовсе отказаться от Вудвейла. В любом случае, это означает, что никто из здесь присутствующих, после стольких лет и усилий, скорее всего никогда уже не будет строить новый форпост человечества, ? в голосе главы биологов звучал горький сарказм.

Помолчала секунду. Хмыкнула.

– У нас больше нет МК. То, что мы использовали до вчерашнего дня, было построено на модели природы с принципиальным и неизвестным нам изъяном. Всё, что теперь мы можем, – это стабилизировать осколки, в расчете на то, что сможем собрать паззл снова, когда данные станут доступны.

Взгляд Вязиницыной, блуждавший по комнате, остановился на Ямакаве. Тот столь же пристально, не моргая, смотрел в ответ.

– Если этот секрет настолько серьезный, что может привести к отмене колонизации, возможно, отказ от экспедиции – разумное решение, ? поднял бровь Ховер. ? Сейчас всё это выглядит как интересный способ самоубиться.

– Зная Робби Левицки, можно быть уверенными, что риск не настолько высок, ? мягко возразила Маккой. ? Скорее всего, новая информация будет выглядеть страшно в глазах общественности, но у директора осторожности больше, чем у нас всех вместе взятых, и он-то в курсе, какого конкретно кота в мешке нам подсунул Уилл. Так что мы вряд ли простим себе, если вытряхнем этого кота раньше времени.

– Что до неопределенности, ? подхватила Малиника, ? так у homo sapiens за плечами миллионы лет биологической и тысячи лет культурной эволюции, совершенствовавшей нашу способность действовать в неопределенности. Мы вполне в состоянии компенсировать нехватку процентов собственными мозгами и интуицией.

Когда Вязиницына замолчала, Владимир вдруг заметил, что что-то неуловимое, но важное изменилось в атмосфере конференц-зала. Гнетущее давление уступило место спокойному уюту, и Семенов понял, что переломный момент пройден успешно. “Спасибо, Лина!”

– Мы должны принять решение. Есть ли другие предложения? ? тишина. ? Возражения? Нет? Тогда мы замораживаем кадровый состав колонии и вводим мораторий на любые существенные изменения, ? Владимир кивнул, благодаря присутствующих и показывая, что совещание окончено.

– Хм, а это будет интересно, ? Сильвергейм встал, подошел к Ямакаве и направил указательный палец тому в нос. ? Имей в виду, желтоглазый, тут не развед-вейв! Если кто-то из твоих угробится, или, того хуже, кого-то угробит, мы вас прямом смысле заморозим, все отправитесь в криокамеры до третьей волны! Это понятно?

Не дожидаясь ответа, Арчибальд развернулся к выходу. Вернон промолчал.

* * *

Хилмид, 2549-05-26 13:40

После совещания прошло три недели, но жизнь на базе Вудвейла так и не вернулась в привычное русло. Владимир в который раз убедился, что собрал прекрасную команду, ведь вместо недовольства и страха колонизаторы будто вздохнули свободнее, не связанные теперь зашкаливающим процентом успеха, и это неформальное разрешение не быть больше идеальными только подогревало энтузиазм. Восемнадцать возвращенцев на удивление органично вписывались в эту новую атмосферу. Более того, Семенов отчетливо видел, что после того, как люди Ховера стали появляться на базе только периодически, пропала некоторая формальность и натянутость в отношениях между научным подразделением и остальными членами команды. “Похоже, мы были слишком совершенными”.

На фоне этих странных изменений даже бредовая идея с танцетерапией оказалась не такой уж дикой. Так сложилось, что инженерная команда была костяком еженедельных субботних музыкальных посиделок. Четверо из них играли на гитарах, еще один ? на флейте, а Джошуа был виртуозным барабанщиком. Порой они играли сами, порой ? ставили записи, и многие из них умели и любили танцевать. Семенов был уверен, что это не случайность: почти все, чья жизнь связана с длительными работами в открытом космосе, приходили

к этому невероятному ощущению гармонии движения, когда гигантские конструкции, мощные и одновременно хрупкие механизмы, и крохотные на их фоне люди в тяжелых скафандрах словно кружатся в вихре, собирая отсеки межзвездного корабля или орбитальной станции. Этьен как-то назвал это ритмом пространства...

Для Вернона субботние встречи стали обязательными.

Владимир знал, что люди с Bear не только крупнее и сильнее, но и намного ловче обычных, и не раз замечал, что и Ямакава, и Сильвергейм, и Габа не просто будто не замечают своего огромного веса, но и могут двигаться со стремительностью и грацией, недоступной большинству, однако Зухра, назначенная вейверу в партнерши, была всего метр пятьдесят пять. На практике, как оказалось, огромная разница в росте партнеров совершенно им не мешала. Смуглая, большеглазая и смешливая, девушка просто жила в танце, и получала от своей обязанности огромное удовольствие, чем, похоже, и разбила лед между своей командой и новым лидером планетологов. Ребята быстро поняли, что общего у Вернона с Зухрой только любовь к движению, и “вертикального выражения горизонтального желания” между ними нет даже в танго. Когда Владимир увидел это впервые, он был просто поражен тому, что безупречные па этого страстного танца в своей идеальной выверенности и красоте могут быть настолько невинными.

На состояние Ямакавы эти занятия абсолютно никак не влияли. Вейвер скрупулезно выполнял все предписания Морриса, успевая, тем не менее, за четыре часа переделать столько, сколько другие не успели бы и за двенадцать. Оставшееся время Вернон заполнял разнообразным досугом: улетал гулять по горам, или на острова, слазил в ледяную пещеру где-то возле южного полюса, несколько раз выбирался на космические прогулки, много читал, сидя на лужайках, начал несколько углубленных учебных курсов… Владимир так и не нашел времени поговорить с ним. ”Надо просто взять и запланировать!” ? разозлился на себя Семенов, наблюдая с галереи, как Ямакава обсуждает что-то с Алией. Руководитель экспедиции удивленно наклонил голову на бок. Он только сейчас заметил, что вейверы стоят держась за руки и касаясь друг друга плечами. К ним подошел третий вейвер, Герман. Вместо обычного рукопожатия переплел пальцы со свободной рукой Вернона, обнял Барабур за талию, чуть отстранился, чтобы достать планшет. Владимир нахмурился, припоминая, что раньше такое откровенное нарушение личного пространства он видел только между аделаировцами, но теперь это странное поведение распространилось на

всю команду планетологов.

– Эусоциальность, ? прокомментировал подошедший сзади Моррис. ? В развед-вейвах нет психологов. Пушечному мясу не положены такие тонкие материи как психология, это слишком дорого. Проще отобрать или вывести отморозков, социопатов, которые ставят дело выше людей, и вымуштровать их до соответствия определенным стандартным требованиям. Не привязчивые, безразличные к смерти, что чужой, что своей. Объединенные лишь целью исследования звездной системы, куда их пошлют. Взаимозаменяемые. Из обычных людей такое не сделать, конечно, но человечество большое, есть из чего выбрать. И им не надо беспокоиться о продолжении рода, с них всех собирают половые клетки… Одноразовые расходники для индустрии освоения космоса.

– Зачем ты мне это рассказываешь? ? Владимир резко обернулся к собеседнику. Он и так знал, откуда берутся вейверы, и циничный тон Морриса по отношению к людям, которых Семенов считал своими друзьями, вызывал у него желание кричать от бессилия. “Неужели новыми мирами можно оправдывать это безумие?!”

Грегор кивнул в сторону планетологов, которые двинулись куда-то к лабораторным корпусам.

– Смотри, они привезли с Аделаира другое решение. Можно быть винтиками, а можно – муравьями. Люди, которые не образуют психологически связанную команду, значительно теряют в эффективности. Но как только мы создаем эту команду, нам становится чертовски тяжело позволить товарищам умирать. На Аделаире к моменту обратного старта у экспедиции было тридцать кубических метров жилых отсеков. Семь человек, как жуки, запертые в коробке юным натуралистом. Люди не жуки и не роботы, но, как оказалось, есть способ не уйти вслед за умирающими. Насколько близкими могут быть члены команды? В тесной жестянке посреди пустоты люди могут сблизиться настолько, что жизнь одного уже не будет ничего значить, ведь остальные знают его так хорошо, что для них он не может полностью умереть. Социализация настолько высока, что каждый в отдельности перестает бояться смерти, потому что продолжается в социуме, а социум не боится терять, потому что никто не один. Это способ реализации эусоциальности у людей. Весьма несовершенный, надо заметить, не сравнимый ни с общественными насекомыми, ни даже с голыми землекопами. И, что важно, совершенно непригодный для обычной жизни. А вот для экспедиции

наши вейверы решили его восстановить. И это, ? Моррис завершил свой монолог, ткнув Владимира пальцем в грудь, ? строит стену между ними и остальными ребятами. Ни к чему хорошему это не приведет!

* * *

Хилмид, 2549-05-28 18:36

После этой неприятной беседы Владимир стал замечать подсказанную Моррисом закономерность, причем не только на ежедневных пересчетах социально-психологической части того, что осталось от модели колонии. Нет, в коллективе не возникало конфликтов, во всяком случае, новых, но вейверы, будучи официально объединенными в одну команду, постепенно становились самой обособленной группой в составе экспедиции на Вудвейл. Планетологи, гораздо более опытные космонавты, чем другие будущие колонисты, с легкостью подтвердили свою квалификацию на тестах по базовой подготовке: техника безопасности на корабле и на планете, основы пилотирования и работы в открытом космосе, стандартный минимум по выживанию ? и после этого не посещали никакие общие занятия, а странное стремление нарушать личное пространство друг друга отпугивало прочих в остальное время.

Самое неприятное заключалось в том, что Ямакава, похоже, делал это намеренно, а команду спасателей вообще специально настраивал против себя и своих ребят. Он зачем-то назначил планетологам дополнительные тесты, которые были обязательны только для людей Сильвергейма, такие как экстремальное атмосферное и космическое пилотирование, работа в нестандартных средах, вроде глубоководных скважин и вулканов, и даже специальные комплексные кейсы вроде эвакуации экипажа харверстера из пояса астероидов. Вейверы показали примерно такие же результаты, как и спасатели, и итоговый балл в единственной попытке планетологов был на три тысячных выше, чем усредненный результат ребят Арчи. Да, статистика так не работает, и нельзя сравнивать одиночное абсолютное значение, зависящее не только от навыков испытуемых, но и в значительной мере от кучи случайных факторов, с многолетним и куда более достоверным средним, но этот крохотный мнимый проигрыш действовал на спасателей удручающе, а на самых горячих из них ? как красная тряпка. Масла в огонь подливал Якоб, один из лучших пилотов

в отряде Ямакавы, который повадился устраивать нестандартные, рискованные взлеты и посадки над лагерной парковкой всякий раз когда куда-то летал, порой по дюжине за день.

Еще об одной стычке в этой холодной войне Семенову рассказал Жан Ровен, один из агротехнологов, занимающийся подготовкой колонистов к ведению сельского хозяйства, как в стандартных, так и в экстремальных условиях. Еще несколько лет назад, в самом начале программы, было решено, что этот курс будет расширен и углублен, так как при сравнительно малых затратах это значительно повышало стабильность МК, поэтому все члены экспедиции учились не только выращивать картофель и жать злаки, но и ухаживать за плодовыми деревьями и даже пчелами. Прямо скажем, ребята Сильвергейма были от этого дальше, чем кто угодно другой из команды. По словам Ровена, Перси, рыжий вихрастый парень с одной из аграрных колоний (сделавший всё, чтобы не иметь с сельским хозяйством ничего общего) после пятой неуспешной попытки срезать веточку яблони для прививки в расщеп, возмутился, почему планетологи этим не занимаются. Оказавшийся поблизости Ямакава ответил, что они писали учебник. Это было чистой правдой, в качестве источника свежих овощей на Нью-Церере выращивали специальные генномодифицированные томаты, привитые на картофель, но, следуя рассказу Жана, Вернон высказал это в своей раздражающей, откровенно манипулирующей манере, целенаправленно усугубляя раскол.

Владимир не понимал, почему Моррис не предпринимает никаких мер по этому поводу, даже более того, штатный психолог, по всей видимости, поддерживал лидера планетологов в данном вопросе. У самого же начальника экспедиции в преддверии скорого старта не было ни единой свободной минуты. Он утешал себя надеждой, что проблему можно будет исправить во время полета, но и она таяла с каждым днем: Мир всё явственнее замечал, что Ямакава его избегает. Когда Семенов впервые поймал себя на этой мысли, обнаружив, что Вернон, завидев его, приближающегося к бару на берегу пруда, подхватил свой напиток и направился к корпусам, он собирался было обидеться. Однако в следующий момент интуиция окатила начальника будущей колонии волной холодного, хоть и всё ещё мутного озарения. “Ты последний в моей команде, кто будет пытаться всё разрушить. Ты знаешь, что делаешь. Я не могу контролировать каждую мелочь, и вынужден доверять тебе. Надеюсь, когда-нибудь мы снова будем друзьями.”

* * *

Хилмид, 2549-09-16, 6:50

Это было яркое сентябрьское утро. В такие дни, когда желтый солнечный зайчик скользит по твоим ресницам, очень легко просыпаться. Владимир сел на кровати, не спеша открывать глаза и давая себе секунду насладиться звенящей пустотой внутри.

Наступил день старта. Еще вчера время неслось ревущим потоком, и лавина дел готова была погрести под собой начальника экспедиции. Сегодня предстояла лишь короткая формальная церемония и, собственно, начало полета. Затем будет недельный гравитационный маневр для выхода на третью космическую, две недели полета прочь от звезды, и только потом квантово-гравитационный разгон и искусственный пузырь Алькубьерре, или варп, как его окрестили фантасты на заре освоения космоса. Всё это будет выполнять инженерная команда, и главой экспедиции до самого прибытия на Вудвейл станет Айдын Малеба, заместитель Арбогаста и капитан звездолета.

Владимир встал и направился в душ. Развед-экспедиция летела до Вудвейла два года восемь месяцев. Это почти предел максимального времени перелета, которое могли обеспечить современные технологии. Однако, эти же технологии позволяли открепить время перелета от расстояния. До будущей колонии было 137 тысяч световых лет, но уточненные данные по гравитационному полю системы позволили оптимизировать время полета для второго вейва до десяти месяцев, а после установки грави-ретрансляторов на дальней орбите парного солнца скачок станет почти мгновенным, и до Метрополии можно будет добраться за три-четыре недели, а задержка связи составит всего пару часов.

Кофеварка пискнула одновременно с шорохом открывающейся дверцы душа. Запахнув халат и подхватив горячую ароматную кружку, Владимир подошел к панорамному окну. Жилые модули стояли на холме, и перед ним раскинулся великолепный вид на базу, которой сегодня предстояло стать бывшей. Это был маленький зеленый поселок с большим прудом в центре, окруженный полями и теплицами и совершенно не похожий на огромные мегаполисы-человейники.

Весь основной состав экспедиции обязан был жить здесь, привыкая к стандартным колонизационным модулям. Ну как, стандартным… Рассыпанные среди леса корпуса походили на друзу кристаллов кварца с многоугольными частично прозрачными крышами и причудливо изломанными периметрами стен. Каждая экспедиция второй волны строила свой собственный городок, так что новые колонисты сюда не заселятся. “Что тут теперь будет? Снесут? Сделают детский лагерь?..”

Залитая янтарным светом, непривычно тихая и безлюдная, база неуловимо напоминала старые изображения мифического рая. Семенов усмехнулся. “Это и есть филиал Рая. Рая Вудвейл. И мы сделаем его таким же родным и уютным!”

* * *

Хилмид, 2549-09-16, 7:15

Час спустя Семенов стоял на взлетно-посадочной площадке, где перед двумя рядами шаттлов выстроился весь основной состав экспедиции. На газоне рядом собралось несколько десятков провожающих. Традиция помпезных проводов умерла вместе с программой Ковчегов, когда вернулись первые развед-вейвы и привезли жуткие материалы с предыдущего поколения межзвездных кораблей. Из нескольких десятков отправленных космолетов действительно успешным оказалось лишь основание второй Метрополии, Хилмида, с которой сегодня стартовала миссия на Вудвейл. Для большинства остальных Ковчегов праздники в честь освоения новых миров оказались веселыми похоронами. С тех пор официальное торжество происходило уже на самой планете, когда прибывал первый транспорт волны заселения.

Ни гирлянд, ни официальных речей, только шеренги колонистов в форменных комбинезонах, такие разные и такие похожие, объединенные одной мечтой. Никакой мишуры, только прозрачное небо ясного сентябрьского утра. Владимир глубоко вдохнул прохладный, пахнущий сухой травой и грибами воздух, стараясь запечатлеть в памяти лаконичную торжественность момента, к которому он шел всю свою жизнь. И он давно знал, что сейчас скажет.

– Поехали!

Глава 4

* * *

Глубокий космос, 2549-10-10 7:18

Владимир отхлебнул кофе и поморщился. Напиток был тупо горьким и обжигающе горячим. Заметившая это Малиника с усмешкой отсалютовала своей кружкой и направилась к панорамному окну, за которым приливные силы черной дыры разрывали маленькую красную звезду. Корабль третий день летел в подпространстве, и в действительности прозрачная стена была закрыта специальными ставнями обшивки, а захватывающий космический пейзаж транслировался компьютером, но картина всё равно впечатляла.

В соответствии с распорядком дня, который в длительном перелете следовало соблюдать особенно строго, команда собиралась на завтрак. Кают-компания звездолета представляла собой большой полукруглый зал с набором складных фурнитурных блоков, позволяющих перестраивать пространство под потребности пассажиров: как сейчас заполнить все небольшими столами, или разделить помещение на несколько уютных обособленных кабинетов, как обычно делали к вечеру, а можно и вовсе расчистить центр для какого-нибудь соревнования или танцпола. При ограниченных ресурсах звездолета невозможно реализовать полный спектр функций, доступный в городах Метрополии, но проектировщики сделали всё, чтобы сохранить психологический комфорт и ощущение нормальности в замкнутом пространстве несущегося в пустоте корабля.

Семенов пролистал в планшете ежедневный отчет. Остановился на красной строчке. Состояние Ямакавы. Всё там же, как и вчера. Как и неделю назад. Никаких подвижек с того заседания. Владимир знал, что Вернон не изводит себя пустыми догадками и планами, он лишь сделал всё необходимое для подготовки своих людей и замер над пропастью неизвестности. Умение подготовиться и ждать ? недостающей информации, решения старших, правильного момента ?

это ключевой навык для космических разведчиков, и Ямакава прекрасно умел контролировать стресс и не растрачивать силы впустую. Правда, в этот раз от его решений зависели не только другие вейверы, но и обычные люди. “Наверное, мы кажемся тебе хрупкими и беспомощными…” К тому же, корабль базовой экспедиции не предназначен для возвращения, и должен стать орбитальной станцией, космическим портом для новой колонии. Что, если Левицки и Нарроу неправы, и замены команды планетологов недостаточно?.. В этот момент Семенов понял, что он сам полагается в этом вопросе на опыт и навыки Ямакавы, и что у него, руководителя этой экспедиции, нет другого выбора. Похоже, чудовищная ответственность и гнетущее ожидание потихоньку выжигали Вернона изнутри. Постоянно высокий уровень кортизола, снижение иммунной активности, ухудшение сна. Нормальный человек на его месте давно уже сорвался бы в психоз или депрессию. “Насколько еще хватит выносливости Bear?”

Неожиданное движение в боковом поле зрения заставило Владимира оторваться от отчета и связанных с ним невеселых размышлений. В столовую входил Ямакава, обычно пропускавший завтрак. Ни на кого не глядя и не здороваясь, вейвер целеустремленно направился не к кофе-машине или коробкам с сухими завтраками, а к отодвинутому в дальний угол бару. Положил на стойку планшет, экраном вниз. Вынул коньяк, плеснул в бокал. Выпил залпом, как водку.

Успокаивающий гул утренней столовой: приветствия, звяканье посуды, тихие разговоры и смех, ? всё стихло, все смотрели на главного планетолога.

– Нарроу не нашел Ковчег, ? Вернон произнес это тихо, неожиданно глухим голосом, но услышали все.

Дебора, замершая было с коробкой хлопьев в руках, облегченно выдохнула, расслабилась и продолжила готовить свой завтрак. Остальные не спешили следовать ее примеру.

– Что? ? нахмурившись, переспросил Арбогаст.

Вернон поморщился (похоже, обжег коньяком горло) и повернулся к команде.

– Где-то в двойной системе Вудвейл летает или валяется активный ДМЗ 4-2.

– Как на Аделаире, ? удивленно вскинул несуществующие брови Роб.

После этого заговорили все одновременно:

– Что всё это значит?! ? Расти.

– Странно, вроде гравитационные модели стабильны. Мы на них бы точно Ковчег увидели, ? Малеба.

– Наконец-то можно запустить пересчет МК, ? Арбогаст…

Семенов, как завороженный, словно в замедленной съемке, смотрел на струю молока, льющуюся в миску Деборы. Отряд вейверов уже деактивировал ДМЗ, межзвездные двигатели, причем трое из них имели дело именно с этой моделью. К рыжей подошла Алия, девушки спокойно обнялись, и направились к столу. “Это действительно серьезная проблема. Первые ДМЗ при выходе из варпа могли терять стабильность, превращаясь в пространственно-временные аномалии. Никто не допустил бы базовую экспедицию в систему с такой штукой”. Именно поэтому Нарроу потребовалось так много времени провести в системе. С первых дней было очевидно, что Вудвейл пригоден для колонизации, но только если на нем или возле него не болтается непредсказуемая бомба замедленного действия, которая может разнести звездную систему, и поэтому развед-вейв тщательно собирал данные о структуре гравитационного поля, до последнего пытаясь найти Ковчег. “Тяготение было очень стабильно на протяжении всей первой экспедиции. Именно это убедило Роберта рискнуть…”

Моррис первым понял, что это не все новости на сегодня. За спинами устраивавшихся за столом девушек Семенов увидел, как вытягивается лицо псих-координатора, и резко обернулся к Ямакаве.

Вернон перевернул лежащий рядом с ним планшет, и тапнул по экрану. Одна из секций панорамного окна чуть помутнела, и поверх звездного неба появился список из восемнадцати имен. Пронумерованный.

Зал вновь наполнила тишина, в которой тихонько тренкнули планшеты остальных вейверов.

– Что это? ? грозовым раскатом прогремел голос Сильвергейма. Арчибальд встал и быстрым шагом направился к Ямакаве.

Вернон выпрямился. Развернулся к спасателю всем корпусом, чуть наклонил голову. Прищурился, криво усмехнулся.

– Ты! Я говорил тебе, тут не развед-вейв! Что это, я спрашиваю?! ? широким жестом Арчибальд махнул в сторону пронумерованных имен. В этот момент лидер спасателей был страшен. ? Нет ничего важнее жизни. В моей колонии не будет никаких списков!

…Вернон ударил первым, внезапно и без замаха. Сильвергейм легко уклонился и тут же контратаковал. Одинаково быстрые и ловкие, они крутанулись вихрем, сосредоточившись на обороне и потому не в силах пробить защиту друг друга.

– Прекратить! ? рявкнул Владимир, мгновенно вскочив на ноги. Но его реакция казалась медленной и неуклюжей на фоне двух стремительных гигантов. Оба уже успели принять решение и в один и тот же момент открылись, силясь достать противника.

Удары тоже достигли цели одновременно. Брызнула кровь. В основном из носа Ямакавы. Удар пришелся вскользь, и Арчи ободрал костяшки о зубы вейвера. Кулак Вернона попал выше, вокруг правого глаза спасателя быстро наливался багровый фингал.

Лидер планетологов шмыгнул кровавыми соплями, отклеил зеленый датчик состояния и шлепнул его на стойку. Квадратик тут же начал сереть.

– Эй, это не разрешено! ? возмущенно крикнул вслед уходящему вейверу Моррис, но тот, не оборачиваясь, лишь сложил пальцы в неприличном жесте и поднял повыше, чтобы всем было видно.

– Арчи, это не его решение! ? уверенный и властный голос Владимира остановил готового вновь ринуться в драку парня. “И он сам предпочел бы возглавлять этот список, а не замыкать его”, ? про себя добавил Семенов. Дебора, Робин, Вернон. Шестнадцатая, семнадцатый и восемнадцатый.

* * *

Глубокий космос, 2549-10-12 17:27

Семенов: Я правильно понимаю, что Ковчег где-то на планете?

Ямакава: Да. Скорее всего.

Ямакава: И это хорошо. Пока аномалия движется вместе с планетой, мы можем быть уверены, что долетим. Система была стабильна как минимум семьдесят лет, и расчеты показывают, что это результат естественной эволюции.

Семенов: Неясно, на какой планете. Их три.

Ямакава: Если бы Ковчег грохнулся на газовый гигант, систему бы разнесло. А атлас второй земли настолько подробный, что Нарроу, похоже, собирался колонизировать не ту планету.

Ямакава: Я почти уверен, что Ковчег упал на Вудвейл.

Ямакава: Но пояса астероидов придется проверить еще раз. Там пять малых планет, и до двух Нарроу так и не долетел.

Пауза.

Ямакава: ДМЗ 4-2 – это самый дерьмовый вариант. Из девяти найденных семь сформировали очень опасные аномалии. Семенов, если по какой-то неведомой причине его найдем не мы, единственное, что надо делать, это валить как можно дальше. Я бы вообще не начинал работы на планете, пока мы не обезвредим Ковчег, но ресурсов корабля не хватит на такое долгое ожидание.

Владимир откинулся на спинку кресла в своей каюте и привычным жестом потер глаза. “Мы” означало “вейверы”.

Семенов: Вер, я не буду спрашивать, почему мы переписываемся в текстовом чате, находясь на одном звездолете, в пятидесяти метрах друг от друга.

Ямакава: Да, ты не будешь.

Начальник экспедиции стиснул зубы. Цикнул. Это раздражало невероятно. В такую короткую, даже не произнесенную, а напечатанную, фразу вейвер смог вложить тот же неприкрытый манипулирующий сарказм, с которым он объяснял Сержу необходимость навыка выкармливания новорожденных. “Надо просто дойти и поговорить с ним”, ? подумал Мир… и остался сидеть за своим терминалом, возвращаясь к изучению разблокированных материалов. Может, потому что эта странная манера Вервольфа убеждать сработала и на этот раз, а может, потому что Семенов еще не успел забыть другого Вернона, того, с кем они ночи напролет разрабатывали планы подготовки экспедиции десять лет назад. Изможденный путешествием в Ад Аделаир, но спокойный, умный и веселый, способный легко и понятно объяснить любое свое предложение. “Что-то мне подсказывает, что прозвище тебе дали не только за то, что ты огромный, желтоглазый, сильный и ловкий демон, похожий на персонажа старых фентези-боевиков и способный порвать в клочья любого Ван-Хельсинга. У тебя очень здорово получается не быть человеком, Вер. Мне же остается лишь надеяться, что разумные объяснения у твоих решений и действий всё-таки есть”.

* * *

Глубокий космос, 2549-10-17 19:40

Вернону было страшно. Прошла неделя после разблокировки дополнительной информации развед-вейва Вудвейла, и сегодня он второй раз проснулся в холодном поту. Снилось, как он вновь отчаянно пытается открыть внутреннюю створку разгерметизированного шлюза, а в сторону сияющей, загораживающей пол-неба Нью-Цереры уплывает остывающее тело Альберта. В какой-то момент спокойное лицо мертвого вейвера превращалось в лицо Сильвергейма, такого же белобрысого и светлоглазого, а в конце кошмара Ямакава вдруг переставал понимать, где он: внутри или снаружи, и не он ли вышел в вакуум из-за того, что его любимая женщина провалилась в аномалию Ковчега. Ту, за кем ушел Альберт, звали Синь Ю Лань.

В рассекреченных данных, как и предполагал Ямакава, не оказалось новой полной модели второго вейва. Была только еще более подробная и очень точная модель природы, включающая вдобавок к пригодной для освоения планете еще несколько сот тысяч объектов звездной системы, да невероятная химера из старой МК и моделей развед-экспедиций на Аделаир, Нью-Цереру и сам Вудвейл. Разумеется, корабельный компьютер и за сотню лет не смог бы обсчитать полноценную МК, даже если бы большая часть его мощности не тратилась на необходимый для прыжка контроль квантовых флуктуаций. Пожалуй, даже стационарные датацентры Метрополии не были в состоянии сделать это за приемлемое время. “Нам это и не нужно. В этом деле новые цифры после запятой с определенного момента ? это лишь бессмысленная трата ресурсов.” Новый вариант МК использовал схему для первых вейвов, пригодную для пересчета во время полета.

Будущих колонистов беспокоило и расстраивало отсутствие привычной точности. Ямакаву напрягало наличие не-вейверов на борту. Развед-экспедиции часто отправлялись по следам Ковчегов, и в таких случаях самой первой и самой важной задачей было найти древний корабль и деактивировать его двигатель. На современных звездолетах система квантово-гравитационных взаимодействий была построена таким образом, что в случае проблем при выходе из варпа, или просто с течением времени в обычном пространстве, создаваемые напряжения полей всегда затихали, делая космос вокруг корабля более-менее гладким. Но первые модели двигателей не учитывали очень многого, и иногда, хоть и очень редко, вообще забрасывали экспедиции в прошлое. В обычном же случае вокруг Ковчега сворачивалась локальная аномалия, которая могла существенно влиять на гравитацию в непосредственной близости от себя. Особенно эффектно получалось при взаимодействии с массивным телом: звездой или большой планетой.

На Аделаире Ковчег на высокой скорости прошел мимо первичной черной дыры, которая вращалась перпендикулярно плоскости эклиптики системы, и та начала медленно падать на маленькое желтое солнце, дестабилизируя его приливными силами. Все три планеты системы сошли с орбит, и в этом хаосе расчетная точка выхода корабля разведчиков сместилась внутрь снеговой линии, слишком близко к центру системы. Они чуть не потеряли свой собственный двигатель, и с трудом сумели сохранить хотя бы минимальные модули жизнеобеспечения… Расчет обратного полета требовал существенного уточнения, и становился возможным только если гребанный Ковчег прекратит случайным образом влиять на траектории всех встречных булыжников. Данные должны вернуться в

Метрополию.

Ценой невероятных усилий они тогда нашли движок. И положили треть экипажа, пока деактивировали.

Во время подготовки вейверы проходят через все сценарии отключения Ковчегов, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться разведчикам. Абсолютно все, без обобщений и исключений. Кейсы с ДМЗ серии 4-2 ? самые сложные из них…

Вернон откинулся на кресле. “Как вы представляете это с почти двумя сотнями неподготовленных колонистов в системе?”

На Нью-Церере было проще. И стократно сложней.

Тут надо рассказать, что хотя большинство обычных людей воспринимают вейверов как монолитную и весьма однородную группу, своего рода касту универсальных солдат-разведчиков, на самом деле они четко делились на два принципиально разных типа: выведенные и отобранные. Первые ? выращенные в искусственных матках и воспитанные в специальных лагерях, часто не доживающие до взрослого возраста, знающие и умеющие только то, что может пригодится в экспедиции. Вторые ? добровольцы, прошедшие специальный отбор в возрасте пятнадцати-восемнадцати лет. Хотя обязательными критериями были сниженная эмпатия и непривязанность к семье, а также отсутствие близких друзей и постоянных половых партнеров, эти вейверы обычно были гораздо более развитыми и эмоционально зрелыми, поэтому алгоритм присвоения номеров, как правило, оценивал их значимость выше выведенных. К тому же, добровольцы начинали свою подготовку позже, и, соответственно, к моменту своей первой экспедиции в среднем были на два-три года старше своих искусственно выращенных товарищей.

На Аделаир Вернон летел девятнадцатилетним, самым младшим в составе миссии. Сейчас это было уже не заметно, но Роб и Дебора, тоже выведенные, на два года старше него. Альберт был старше на пять. Это он, еще перед экспедицией, научил быстро растущего и потому невероятно неуклюжего подростка танцевать. Борис Самирович Нгуен тоже был добровольцем, и на момент старта ему было тридцать четыре, как Ямакаве сейчас. Изначально возглавлял экспедицию не он, а Гера, но она погибла при первой попытке

подобраться к Ковчегу. Ядро древнего корабля собрало вокруг себя рой астероидов, и подойти близко на основном звездолете было невозможно. Лететь решили на двух шаттлах, основной пилотировал Ямакава, страхующий ? Гера, лучший из оставшихся на тот момент в живых пилотов. Там было несложно пропустить быстро приближающийся полуметровый осколок…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krayvanova_varvara/vosemnadcatyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить